

Формирование Сетевого Человеческого Капитала: методологические контуры концепции

С.А. Кравченко

В статье, основываясь на методологическом инструментарии современной социологии, автор приводит аргументацию относительно латентных, непредвиденных вызовов, возникающих при попытках формирования человеческого капитала. Обосновывается интегральный методологический инструментарий, необходимый для инновационного взгляда на содержание человеческого капитала и формирования контуров концепции сетевого человеческого капитала.

Содержание и, соответственно, концептуальная интерпретация человеческого капитала многогранны и многолики, зависят от исторического времени, социокультурного пространства, сферы научной деятельности людей, занимающихся данной проблематикой. Её, в частности, изучают философы, экономисты, политологи, культурологи, психологи и, конечно, социологи, естественно, используя для этого разный теоретико-методологический инструментарий. Существующие многочисленные представления и определения человеческого капитала также несут в себе тот или иной мировоззренческий и политический компонент. Поэтому важно, прежде всего, определиться с *методологией*, точнее *методологиями*, ибо нам потребуется *методологический интегрализм* для представления предлагаемой сетевой модели человеческого капитала, адекватной современной усложняющейся нелинейной динамики социума и формирующемуся сетевому обществу.

В самом общем виде, опираясь на методологию выдающегося российско-американского социолога П.А. Сорокина, под человеческим капиталом мы понимаем интегральное единство количества и качества человеческих ресурсов, наделяющих людей способностью быть рациональными мыслителями, сверхсознательными творцами Истины в больших системах науки, техники, экономики, политики, права, а также Красоты, предполагающей создание шедевров культуры и искусства, и Добра, понимаемого как «аккумуляция неэгоистической любви к человеку и человечеству».

Подчеркнем, человеческий капитал мыслится как *интегральное единство*, взаиморазвитие и взаимодополнение *всех* его составляющих. Это отличает наш подход от прагматических, *одномерных* интерпретаций, которые имеют глубокие корни в ряде социальных наук и в модифицированном виде сохранились вплоть до наших дней. Так, еще с XVII века экономисты предпринимали попытки оценить население в денежном эквиваленте, в основе которых, как правило, лежал критерий предрасположенности людей к рациональным действиям. Ныне циркулируют методики, предлагающие измерение человеческого капитала по годовому приросту объема производства или просто по уровню душевого ВВП.

Аналогичные методы существуют в политике, представители которой, как показал французский социолог П. Бурдьё, склонны оценить людей, прежде всего, по «политическому весу», видам политического и иного капитала, как правило, оставляя в стороне факт дифференциации и политической депривации *определенной части* населения. «Концентрация политического капитала в руках малого числа людей... — утверждает этот автор, — тем более возможна, чем более исчерпывающе простые члены партии лишены материальных и культурных инструментов, необходимых для активного участия в политике, а именно *свободного времени и культурного капитала*»¹.

Психологи пытаются оценивать людей по характеру доминирующих потребностей, руководствуясь идеями А. Маслоу об их иерархии и тенденцией

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой социологии МГИМО МИД России; статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 09–06–00434а и 10–06–00424а.

перехода рациональных людей ко все более высоким потребностям: «Самое фундаментальное последствие удовлетворения любой потребности — это переход потребности на задний план и при этом появление новой потребности — более высокого уровня»², — писал Маслоу. Нам думается, в условиях усложняющейся динамики социума этот постулат далеко не всегда работает — возможно и обратное движение, когда в социуме возникает ценностный хаос, доминируют бестселлеры вместо классики и общество не поощряет значимость более высоких потребностей, а шоумейкеры вытесняют с экранов образовательные программы (заметим, в русском языке слово «образование» имеет не только смысл обучения, но и формирования образа обучаемого, что прямо указывает на качество человеческого потенциала).

Вместе с тем, конечно, можно и нужно более детально изучать составляющие человеческого капитала в конкретных жизненных сферах с учетом предметной специфики науки. Но при этом следует иметь в виду, по крайней мере три обстоятельства:

1. подобное знание имеет локально-предметный характер и по нему некорректно судить об общем содержании человеческого капитала;
2. механическое сложение специфического знания о человеческом капитале или простое увеличение показателей не делает картину более полной и валидной, если при этом не представлены важнейшие показатели человеческого потенциала, обусловленные качеством повседневной жизни (социальное самочувствие, толерантность, безопасность и т.д.);
3. самое главное — при этом не учитывается/умалывается гуманистическая составляющая в человеческом капитале.

Как считает П.А. Сорокин, за последние четыре столетия творчество в области гуманизма и духовности резко отстало от достижений науки, техники, экономики, искусства. Человечеству не удалось обосновать эффективные пути и средства для своего собственно гуманного, нравственного возвышения, контроля своих бессознательных инстинктов и чувственных вожделений, связанных с погоней за материальным благополучием, властью и наслаждениями. Это привело к глобальному кризису чувственной культуры, затронувшего искусства и науки, философии и религии, права и морали, образы жизни и нравов³. Оптимистические перспективы человеческой цивилизации, по мнению ученого, зависят от способности людей творить «дух всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью». Известные же до сих пор формы правления, будь то в Америке или России, не принимали в расчет Доброту и потому «демократические режимы были почти столь же воинственными, неустойчивыми, как и авторитарные режимы, и имели такой же высокий уровень преступности»⁴.

В истории России при осуществлении той или иной модернизации вплоть до недавнего времени

не ставился вопрос о *гуманности путей и средств достижения поставленных целей, их адекватности интегральной природе человеческого капитала*. Как показало предвидение социолога и подтвердила жизнь, «без любви все Билли о правах и все конституционные гарантии свободы есть пустая фраза»⁵. Любые благие замыслы сами по себе вовсе не ведут к процветанию, согласию, миру, если они не обеспечивают *производство гуманизма*, его проникновение в социальные институты, культуру, управление. Пример из недавней российской действительности: политика либеральных демократов в России в 90-е годы была ориентирована на самые различные прагматические цели — разгосударствление экономики, приватизацию, получение займов, сбор налогов и т.д. Но отнюдь не на то, чтобы новые модели жизнедеятельности людей способствовали совершенствованию собственно *человеческих отношений* в направлении их *гуманизации*, развитию *нравственности и духовности личности*.

Ситуация стала меняться лишь в самое последнее время. Заявленная в Послании Президента РФ Д.А. Медведева к Федеральному Собранию программа модернизация для человека просто не может не иметь гуманистической основы. «Инновационная экономика, — отметил Президент, — может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения определяют успешное развитие личности и нации в целом»⁶.

Еще одним методологическим принципом Сорокина являлся отказ от линейного видения прогресса и линейной интерпретации причинности явлений общественной жизни, что, конечно же, относится и к человеческому капиталу. Социолог отмечал «*появление и стремительный рост теорий, в которых предпринимаются попытки сформулировать нелинейные концепции социокультурных процессов, и — что еще важнее, — успех, которым пользуются такого рода теории*»⁷. При этом ученый обосновывал интегральную причинность, подчеркивая значимость как *детерминистской*, так и *недетерминистской причинности*, выдвигает «*принципы имманентного изменения*». Среди них были: принцип имманентного порождения последствий; принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы; имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма. «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию, — констатировал мыслитель. — Самодетерминация — это синоним свободы»⁸.

Руководствуясь этим методологическим принципом, выскажем три соображения:

- содержание и характер человеческого капитала не имеют универсальный характер. Они изменя-

ются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от ментальности народа. Сказанное, однако, не следует абсолютизировать. Конечно, необходимы методики для компаративистского сравнения человеческого капитала в разных странах. Это тем более важно, что идут глобализационные процессы, увеличивающие взаимодействия народов. Но мы исходим из того, что «глобализация на современном этапе развития человеческой истории не может не иметь форму *глокализации*»⁹. Из этого следует, что, человеческий капитал имеет *глоболокальное* содержание и необходимы социологические шкалы для измерения как глобально значимых, так и локально-культурных его составляющих;

— человеческим капиталом, его формированием можно и нужно управлять, исходя из двух основополагающих требований:

1. это управление должно выступать как *цивилизаторный, рациональный и гуманистический способ взаимодействия людей с их участием*. «Управление, — отмечает известный специалист в этой сфере А.В. Тихонов, — которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращается в манипулирование людьми, в технологию достижения любой, в том числе аморальной и асоциальной цели (терроризм, например). Такое «управление» становится опасным источником социальных деформаций»¹⁰;
2. управление должно учитывать *нелинейность* формирования человеческого капитала и *динамично сложные* причинно-следственные связи. Необходимо, в частности, отказаться от презумпции внешней причины как источника воздействия на содержание человеческого капитала;

— необходим баланс между управлением и самоорганизацией человеческого капитала как сложной системой, имманентным качеством которой является *самодетерминация*. Здесь надо исправлять ситуацию, возникшую в 90-е годы, которую академик Т.И. Заславская характеризовала следующим образом: «К действительно происходящему в стране процессу более применимо понятие *спонтанной трансформации* общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не предрешены»¹¹. Но нельзя и *заорганизовывать, зарационализировать* данный процесс, о латентных опасностях чего будет сказано ниже. Пока же не найдено оптимальное соотношение между управлением и самоорганизацией человеческого капитала. Предстоящая модернизация страны, по мысли Д.А. Медведева, как раз делает ставку на *общественную инициативу, самоорганизацию*: «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных

людей»; «воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире»; «укрепление демократических институтов на региональном уровне»¹² и т.д.

Следующий методологический принцип, востребованный нами, — *учет латентности* при формировании человеческого капитала, изучение человеческой деятельности в контексте возникновения *непредвиденных и ненамеренных последствий*, которые сопровождают *рациональную* активность людей. Данный принцип был всесторонне обоснован в работах выдающихся социологов Р. Мертон¹³ и Р. Будона¹⁴. Ныне он стал неотъемлемым требованием современной социологии: ведь важно показать не то, что явно видно, а то, что не очевидно, что открыто не проявляется. Достижения в областях науки и техники, искусства и живописи почти всегда *рельефно видны*, их функциональность, нефункциональность или дисфункциональность достаточно выражены. Но зато результаты в сфере преодоления межличностной агрессии и вражды, формирования гуманизма — *весьма латентны*, порой определяются мировоззренческими взглядами и политическими пристрастиями, в которых зачастую присутствует некий нарциссизм: *наш* человеческий капитал, конечно же, «лучше», чем *иной*, который свойственен другой культуре.

Далее, необходимо учитывать *латентные и отложенные опасности* для человеческого капитала как производные от научной и инновационной деятельности людей. Так, эффект «*нормальных аварий*», обоснованный Ч. Перроу, раскрывает *амбивалентное* влияние на человека сложных технологических систем, что проявляется в виде отложенных опасностей¹⁵.

По нашему мнению, его следует распространить не только на научно-технологическую, но и на экономическую и политическую сферы, а также на *инновационные* процессы медиализации, градостроительства, на новые информационные технологии, туризм, моду, диеты, имея в виду возможные отложенные опасности для человеческого капитала. При этом к «нормальным авариям» необходимо относиться не как *неизбежной данности* опасностей, а осуществлять *планомерный мониторинг* усложняющихся институциональных систем на предмет выявления, прежде всего, их дегуманизирующего влияния на человека с целью *нейтрализации* или, по крайней мере, *минимизации* негативных последствий для человеческого капитала.

Ряд латентных и отложенных опасностей связан со скоростью изменений социума. Известный современный социолог Э. Гидденс обосновывает эффект воздействия скорости на жизнедеятельность человека и человечества, назвав его «парадоксом Гидденса». Суть явления в том, что скорость существенно искажает восприятие людьми последствий результатов своей деятельности в контексте времени и пространства. «Люди находят для себя трудным с таким же уровнем реальности отнести к будущему, с каким они относятся к настоящему»¹⁶, — отмечал Гидденс.

Это, по его мнению, касалось *временной пролонгации* как повседневных, так и глобальных опасностей. Ныне курящему тинэйджеру, знающему, что «курение убивает», трудно представить себя человеком в возрасте сорока лет, когда начнут проявляться уже *реальные болезни*, угрожающие его жизни. Аналогичный эффект проявляется и у политических деятелей, что особенно видно в их отношении к климатическим изменениям. Все они прекрасно осведомлены о многих рискогенных последствиях своей политики. Однако под влиянием быстротечности современной жизнедеятельности и ограниченности по времени своей политической карьеры не принимают должных усилий по ее изменению.

Кроме того, многие политики просто не готовы к скачкам в скорости социальных изменений, ибо, решая прагматические задачи, практически не учитывают *возможности человеческого капитала*, обусловленные различиями в социальном времени и пространстве, которые свойственны разным культурам. На Западе, как известно, время — деньги, на Востоке, время — хозяин. *Всегда* люди одного поколения, одной культуры жили в *едином* историческом времени с *общим ритмом* жизни. Сегодня же мы сталкиваемся с *латентным* эффектом *временного дисхроноза*: в одном обществе сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*¹⁷.

Под влиянием этих реалий возникли *новые амбивалентности для человеческого капитала*, одна из которых следующая: с одной стороны, скорость преобразований, особенно скорость социальной мобильности, начинает играть роль нового социального капитала, который определяет не только более высокий социальный статус людей, иное качество человеческого капитала, но и выступает *индикатором модернизации, культурных и научных достижений*. Для этого достаточно вспомнить гонку вооружений, стремление летать выше всех, дальше всех, быстрее всех, космическое соревнование. Ныне число позиций, в которых скорость имеет смысл *инновационного фактора человеческого капитала*, многократно возросло. По мнению современного британского социолога Дж. Урри, мобильность вещей, информации, идей и даже мобильность виртуальная являются решающим фактором для развития социальных потенциалов современного человека¹⁸.

Однако, с другой стороны, следует иметь в виду, что эти тенденции, тем не менее, *не универсальны, автоматически не влекут за собой увеличение функциональности всего социума*. Это особенно касается *гуманистической* составляющей человеческого капитала. Если *определенная часть* общества не справляется с увеличивающейся скоростью перемен, если не успевает рефлексировать относительно ненамеренных последствий изменений, отложенных опасностей, то могут возникать принципиально новые социальные катаклизмы и проблемы для человеческого капитала, причина которых — *временной*

дисхроноз. В связи с этим, мы полагаем, что одним из важнейших рисков грядущей модернизации в России является риск производства *новых* маргинальных групп, а, возможно, и *новых* опасных классов в контексте увеличения роли фактора скорости социальных изменений, возможного временного дисхроноза для этих социальных групп.

Речь идет о людях, которые в силу своих физических, психических и интеллектуальных способностей не смогут вообще адаптироваться к скорости модернизации, к усложняющейся социокультурной динамике. Эти люди потенциально предрасположены к образованию групп не временно безработных, а тех, кто в принципе не может освоить технологические инновации скоростного толка. Кроме того, могут дать о себе знать диспропорции между динамикой разума, быстро приспосабливающейся к увеличению скорости изменений, и динамикой коллективного бессознательного, ментальности, которые, как известно, весьма инертны. Это может стать латентной, отложенной причиной стрессов и у вполне здоровых людей.

Отсюда следует: если *не очеловечить* скорость изменений, имея в виду не только прагматические, но и *гуманистические цели преобразований*, то возрастают риски для человеческого капитала в виде больших и малых катастроф, а также дающих о себе знать уже сегодня социальных напряженностей, страхов и тревог¹⁹. По нашему мнению, в программе модернизации России должны быть учтены и новейшие скоростные, и достаточно традиционные по *темпам* функционирования технологии. Хотя, конечно, *модернизированные технологии*, позволяющие найти свое социальное место практически *каждому* россиянину, желающему работать, включая, разумеется, и разные категории инвалидов, людей, имеющих индивидуальные проблемы непереносимости ускоряющейся динамики. Они тоже составляют *наш общий* человеческий капитал.

Но, пожалуй, самые сложные отложенные опасности для человеческого капитала представляют стремления заорганизовать, зарационализировать общественную жизнь, о чем было отмечено выше. История свидетельствует, что попытки модернизации общества, основанные на абсолютизации роли рационального фактора, оборачивались непредвиденными и ненамеренными последствиями в виде самых различных дисфункциональностей. Начиная с индустриального модерна (в Европе — XVII в.) — стадии общественного развития, связанной с трансформацией аграрно-феодалного общества в капиталистическое, — утверждается и доминирует идея всемогущества науки. Здесь господствует вера в ее способность создать и совершенное, рациональное общество, и рационального человека, что в итоге обеспечит наступление социальной гармонии. Для этого надо лишь овладеть «объективными законами» и ликвидировать все то «устаревшее, реакционное», что не соответствует данным «законам». Наиболее

очевидные примеры воплощения этих идей в практику — политика фашизма и сталинизма. Ныне идеи абсолютного блага рационализма реанимируются в новых формах — иногда даже во имя «сохранения национального человеческого капитала» нации (депортация цыган из Франции).

Одним из первых поставил под вопрос рационализм и сциентизм, отметив их ограниченные возможности, немецкий социальный мыслитель Фридрих Ницше. Ученый призывал видеть реальность человека такой, какая она есть, во всей ее полноте, включая иррациональность²⁰. Его идеи были востребованы многими учеными. По метафорическому выражению известного современного социолога Зигмунда Баумана, социальные практики, основанные на культе рациональности, стали именоваться «*метафорой садовника*»: «Садовник лучше знает, какие сорта растений должны, а какие растения не должны расти на участке, о котором он заботится».

«Сорняки», то есть социальные группы риска, маргиналы, меньшинства, оппоненты, конкуренты, инакомыслящие во имя рациональности и гармонии просто «пропалываются». При этом, «садовник способствует выращиванию правильных типов растений (главным образом растений, которые он сам посадил)». Он является, таким образом, «экспертом» разумности и целесообразности²¹. Однако в итоге стремление людей к постоянной рационализации и совершенству в *отсутствии гуманистической составляющей*, как правило, оборачивается дисфункциональностями в виде невосполнимых потерь «неправильного» человеческого капитала. Сказанное означает, что рациональность *амбивалентна* для человеческого капитала: без нее не возможно функционирование современного социума, но она не панацея для функциональности человеческих отношений. Тем более, она автоматически не ведет к их гармонизации.

Из этого логично вытекает, что следующим востребованным нами методологическим принципом будет сохранение *иррациональной составляющей* в человеческом капитале. Как и рациональность, иррациональность по своим функциональным последствиям *амбивалентна*. Для нейтрализации негативных последствий иррациональности, она должна быть социально и культурно *структурирована*. Это методологическое требование, в частности, было обосновано немецким социологом венгерского происхождения Карлом Манхеймом. Так, неизбежный и необходимый для развития современного человека демократический процесс плюрализации ценностей с их легитимацией, если его не структурировать, может обернуться дисфункциями иррационального толка: «Рано или поздно все станут неврастениками, поскольку затруднен разумный выбор в хаосе противоречивых и непримиримых ценностей... — отмечает ученый. — Невозможно представить себе человека, живущего в полной неуверенности и с неограниченным выбором»²².

Более того, не структурированное противоборство политических сил, связанное с разоблачениями ложного сознания, латентно ведет не к истине, а к *иррационализации* общественной жизни вообще. «Процесс выявления проблематичных элементов мышления, который латентно шел с начала Нового времени, завершился крахом доверия к мысли вообще. То обстоятельство, что все большее количество людей ищет спасения в скептицизме и иррационализме, отнюдь не является случайным, более того, оно неизбежно»²³, — с тревогой за будущее человечества заключает Манхейм. При этом социолог подчеркивает, что возникновение многих иррациональных проявлений обусловлено *эффектом «одновременности неодновременного»*. В результате усложнения социальной динамики возникает несбалансированность развития отдельных людей и целых социальных групп, что порождает *диспропорциональность в отношениях разума и гуманизма*.

«Она выражается в том, — отмечает ученый, — что в обществе техническое и естественно научное знание опережает моральные силы и осмысление общественного прогресса... Речь идет о том, что ни в одном более или менее сложном обществе разумность и моральность, необходимые для решения поставленных хозяйством и обществом задач, не достигают во всех группах и слоях равномерности»²⁴. В связи с этим перед современным обществом возникает принципиально новая проблема в формировании человеческого капитала: нельзя длительно выносить «ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»²⁵.

Вместе с тем, иррациональность в виде *сублимаций* может действовать как *мощный импульс* для создания культурных ценностей или усиливать радость жизни. В этом качестве проявляются функции дружбы, любви, патриотизма, спорта и празднеств. Некоторые религиозные чувства и нормы также могут быть по своему качеству иррациональными, но при этом они вносят свой вклад в функционирование общества в целом. Однако, подчеркивает ученый, если иррациональность социально не структурирована, то она дисфункциональна для общества. Такое, в частности, может происходить с проникновением иррациональности в политику, особенно когда имеет место умаление ее гуманистического начала. «Тогда средствами демократии достигается противоположное тому, что было первоначально смыслом демократизации». Возникает тем самым процесс «негативной демократизации»²⁶.

Таким образом, иррациональность крайне важна для производства собственно гуманистического компонента человеческого капитала. Без иррациональности, точнее, иррациональности структурированного типа, люди становятся циниками и скептиками, ставят под вопрос значимость идеалов, веры, любви, дружбы. Последних двух компонентов, по мнению

американских исследователей, особенно не хватает в человеческом капитале западного общества, что воспроизводит сложную проблему одиночества. Она выражается в социальной изоляции людей и распространения чувства разобщенности²⁷. Постепенно эта проблема становится актуальной и для нашего человеческого капитала²⁸. Словом, необходимо иметь в виду сложное, амбивалентное воздействие как рациональности, так и иррациональности на человеческий капитал.

Это особенно очевидно в связи с вхождением социума в *сетевое, нелинейно развивающееся общество*, что повлекло за собой *принципиальные изменения* в содержании человеческого капитала. Нелинейные связи в сложных социальных системах исследуются в работах академика В.С. Степина. В малых системах, по его мнению, достаточно полагать, что целое может быть описано свойствами частей и их взаимодействиями, что, заметим, *проявлялось в линейных подходах к интерпретации и исчислению человеческого капитала*. Но в сложных саморегулирующихся системах появляется качество, не сводимое к свойствам частей. Если же эти сложные открытые системы начинают обмениваться веществом, энергией и информацией с окружающей средой, то появляются новые управляющие параметры, обеспечивающие переход от одного качества к другому²⁹.

Это положение, несомненно, требует принципиально новые подходы к пониманию формирования человеческого капитала, его качеств. В сетевом обществе, пишет И. Пригожин, «информационные технологии создают связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие множество новых возможностей в форме бифуркаций»³⁰. Очевидно, что факторы риска, неопределенности, бифуркаций становятся все более значимыми в формировании человеческого капитала и, соответственно, в его современных интерпретациях. Чтобы учесть влияние всех этих и других параметров сетевого общества на человеческий капитал, нам понадобится ряд дополнительных методологических принципов. По существу, с ними связано *переоткрытие* понимания человеческого капитала, что, разумеется, не влечет нигилистическое отрицание предыдущих подходов, особенно подходов, акцентирующих гуманистическую составляющую человеческого капитала.

Как известно, основоположником теории *социальной сети интегрального толка* является американский социолог Ричард М. Эмерсон (1925–1982). Он первым исследовал усложняющееся сетевое взаимодействие социальных акторов (индивидуальных и коллективных), которое может происходить одновременно на разных — как на микро-, так и на макроуровнях. Социальная сеть предполагает, что акторы взаимодействия, обретая качества самоорганизации, могут использовать *ряд альтернатив*, осуществляя тот или иной выбор. Поэтому последствия взаимодействия могут быть неоднозначны: одни акторы

получают те или иные вознаграждения, в то время как другие — потери и санкции. Естественно, что акторы, как правило, мотивированы увеличить позитивную составляющую сетевого взаимодействия и уменьшить негативные последствия.

При создании своей теории социолог руководствовался двумя отправными методологическими положениями, которые потребуются и нам:

1. человеческий потенциал (экономический, статусный, культурный и др.) не является постоянным, а изменяется с вхождением в конкретную социальную сеть с учетом того фактора, что *зависимость*, обусловленная структурой сетевого взаимодействия, *является источником власти над ним*. При этом социолог предложил математический аппарат для измерения зависимости;
2. *неопределенность вознаграждения в условиях сетевого обмена порождает специфическую мотивацию*. В экстремальных условиях возникает риск того, что обменный цикл может в любой момент прерваться, предоставленные одной стороной услуги могут оказаться без ответного вознаграждения со стороны другой³¹.

Идеи Эмерсона получили развитие в теории рационального выбора Джеймса С. Коулмена (1926–1995). Предложенная им инновационная методология была нацелена на исследование возможных *выборов альтернатив*, их влияния на увеличение/уменьшение потенциалов *самоорганизованных, рациональных акторов*. В частности, им было показано, что отдельные акторы, стремясь добиться для себя максимальных выгод в условиях социальной сети, нарушают равновесие коллективного поведения в целом, что ведет к дисфункциональности ряда акторов³². Социолог особо исследовал изменения качества человеческого капитала в контексте характера выбора альтернатив, в связи с чем им были введены в научный оборот два понятия: *гомо социологикус* и *гомо экономикус*.

Первый — человек, будучи разумным социальным актором, благодаря процессу социализации весьма соответствует требованиям общества в целом. Он распоряжается своими индивидуальными свободами с учетом нормативных ограничений и социального контроля, исходящих от общества. Гомо экономикус — также является разумным социальным актором, однако выбираемые им поведенческие альтернативы более обусловлены нормами конкретной сферы общества — экономики. Кроме того, он более склонен использовать индивидуальные свободы и ресурсы в собственных интересах.

Исходя из теоретико-методологического инструментария этих социологов, для нас принципиально важны следующие пять моментов методологического толка по формированию человеческого капитала в социальных сетях:

- с учетом характера структур сетевого взаимодействия социальных акторов человеческий капитал изменяет свои количественные и качественные

параметры, что в значительной степени определяется *доступом к значимым ресурсам* (финансам, натуральным продуктам, власти, информации и т.д.). Чтобы не потерять свой капитал, а, по возможности, приобрести дополнительный без увеличения своей зависимости, акторы в социальной сети предпринимают такие стратегии, как создание союзов, совместных предприятий, использование разных типов интеграции, заключение долгосрочных контрактов, делают ставку на специализацию, эксклюзивное производство и т.д.;

- всевозможные факторы риска в социальной сети влияют на количественные и качественные параметры человеческого капитала. Так, действует *эффект смещения риска* — эмпирически выявлено, что люди, организованные в социальные сети, предпринимают более опрометчивые решения, чем тогда, когда они находятся одни;
- выбор альтернатив способствует *оптимизационному* функционированию сети. Причем оптимизация не сводится *только к прибыли*, как итоговому результату функционирования сети. Она трактуется широко с учетом того, что как *эгоистические*, так и *альтруистские* цели могут определять принятие решения относительно выбора той или иной альтернативы и, соответственно, задавать характер оптимизационной составляющей. Кроме того, на оптимизацию всегда влияет и тот фактор, что при принятии решений акторы всегда ограничены в плане полноты информации и её валидности. А это значит, что акторы имеют границы рациональности из-за чего возникают риски *непредвиденных последствий, отложенных опасностей* в зависимости от выбранных альтернатив. Результат для акторов может быть как позитивным, так и негативным в виде определенных потерь и санкций;
- методология парадигмы рационального выбора предполагает наличие *потенциального конфликта между рациональностью отдельно взятого актора и коллективной рациональностью других акторов*, что выражается в *социальных дилеммах*, точнее, в том, как акторы, задействованные в социальной сети, их разрешают — насколько они успешны или, напротив, неудачны. Чтобы определить это практически, социологи прибегают к моделированию *общей структуры рационального выбора, которая предполагает:*
 1. набор акторов, обладающих конкретными потенциями, которые функционируют как игроки в конкретной социальной сети;
 2. наличие определенных альтернативных выборов у каждого актора;
 3. учет вероятных последствий, вытекающих из альтернативных выборов. При этом, игнорирование роли *гуманизации* человеческих отношений ведет к *ослаблению индивидуализации*;
 4. предпочтения, которые акторы отдают тем или иным последствиям;

5. ожидания акторов, обусловленные характеристиками социальной сети. Социальные дилеммы могут быть также разрешены акторами с учетом факторов *конкуренции, доверия и координации действий*. В реальной жизни примером тому может быть характер взаимодействия акторов в выборной кампании. Соответственно, в зависимости от того, как в условиях конкуренции акторы доверяют друг другу и координируют действия, могут быть самые разные последствия для участников взаимодействия, их индивидуального и коллективного человеческого и социального капитала;
- в определенных случаях сетевого взаимодействия *индивидуальные рациональные действия ведут к коллективным иррациональным последствиям* со всеми непредвиденными и ненамеренными последствиями для человеческого капитала. При этом нормой становятся разрывы в культуре мышления акторов, что обусловлено нелинейным развитием социума. Акторам современных социальных сетей, как правило, приходится иметь дело с разными типами мышления участников взаимодействия.

В итоге мы приходим к выводу: *современное содержание человеческого капитала все более и более обретает сетевой характер* и в силу утверждающегося сетевого общества просто не может быть иным. Тому также способствует ряд новых качеств социума, появившихся за последние 2–3 десятилетия, которые формируются буквально на наших глазах. Одним из них является *увеличивающаяся открытость уже достаточно открытого социума*. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для жизнедеятельности, формирования человеческого капитала³³. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе *имманентные опасности*, явные и латентные, так или иначе затрагивающие количественные и качественные параметры человеческого капитала. Отметим некоторые из них, обусловленные, прежде всего, *сетевым взаимодействием* нашей страны с другими народами и культурами.

Под влиянием увеличивающейся открытости границы страны *перестают быть охранительными рубежами* в отношении иных культурных ценностей и иных образов жизни. Дело не только в простом увеличении культурных артефактов, приходящих в страну по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей. Важнейшей проблемой для формирования человеческого капитала становится *усложняющееся изменение само по себе*, в котором содержится значительный компонент неупорядоченного хаоса, что приводит к сокращению *долгоживущих* качеств социума, что относится и к параметрам человеческого капитала. Это не какое-то временное, отдельное изменение, но утверждение *рискогенного* образа жизни в условиях *всеобщих* перемен,

когда нормой или, по крайней мере, обыденностью становится экспансия самых разных субкультур и контркультур, иных моралей и мировоззрений. Открытость привела к резкому увеличению эмиграции и иммиграции, появлению реальных и отложенных опасностей новых форм девиантного и криминального поведения. Все это порождает сетевые взаимодействия *принципиально* нового типа.

Открытое общество манит к себе своим разнообразием, соблазнами, но и приводит к неизбежной конкуренции систем институционально организованных идеалов, к столкновению представлений о лучшем образе жизни, о том, какой человеческий капитал ныне востребован, является более функциональным. Радикальная трансформация прежних (локальных) социальных сетей и создание новых (глобальных) побудила выдающегося социолога современности Мануэля Кастельса к созданию теории *информационного, сетевого общества*, которую он противопоставляет многочисленным теориям *информационного общества*. Так как сети не останавливают границы национальных государств, сетевое общество конституировало себя в качестве *глобальной системы*. Главная особенность глобальных сетей в том, что они «включают некоторые народы и территории и в тоже время исключают другие».

Современное сетевое общество, по мнению ученого, принесло «информационные турбулентности», «новые формы массовой самокоммуникации», что знаменовало собой утверждение «новой формы социетальной коммуникации»³⁴. «Новые технологии также продвигают развитие социальных пространств виртуальной реальности, которые сочетают социабельность и экспериментирование с ролевыми играми»³⁵ — утверждал М. Кастельс. В итоге эти новации привели к тому, что никогда прежде в истории люди не были так предрасположены к многократной смене самоидентификаций в течение своей жизни, к перемене ценностей и идеалов.

Естественно, все это сказывается на динамике содержания *желательного, ныне востребованного человеческого капитала*, представлений о нем. Вот лишь один, но весьма важный факт, касающийся *ценностного содержания* человеческого капитала и его увеличивающейся *неопределенности*. Уже упоминавшийся З. Бауман утверждал, что *идеал государства личной безопасности* теснит идеалы и государства всеобщего благоденствия, и правового государства³⁶. Все чаще обсуждается предложение: возможно ли из нынешнего неопределенного мира вернуться в мир *определенной «несвободы»* (по этому пути уже пошли некоторые страны), компенсацией за что явилось бы усиление «интересов безопасности» как личности, так и общества. Примечательно, что весьма многие россияне хотели бы сделать этот выбор. Социологические опросы свидетельствуют, что 63% граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой

ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные в раздумьях³⁷. Однако, по нашему мнению, без свобод и прав человека компонента безопасности в человеческом капитале не станет больше, скорее, наоборот.

Общество, основанное на функционировании глобальных сетей, неизбежно соприкасается с «чужими» опасностями из других социумов, что также влияет на характер человеческого капитала. Глоболокальные войны, межэтнические конфликты, терроризм оборачиваются опасностями практически для каждого россиянина; это и экологические опасности, которые из локальных легко трансформируются в глоболокальные³⁸. К новым реальным и «фантомным врагам» человеческого капитала мы бы также отнесли появление ряда принципиально новых форм асоциальности и девиации. Они не имеют культурных корней в нашей стране, но пришли к нам буквально за последние 20 лет вследствие открытости социума и формирования глобальных сетей. Это, в частности, наркомания, работорговля, похищение людей, торговля человеческими органами, игромания, нацизм и расизм, новые формы терроризма и разгула преступности, и кризис. Всего лишь два десятилетия назад мы знали, что все это зло где-то есть. Но оно в ином социальном пространстве и времени — очень-очень далеко и уж нас-то никогда не коснется. Не просто коснулось, а пришло практически в дом каждого россиянина.

Благодаря открытости и сетевым взаимодействиям темпы развития информации постоянно убыстряются. По имеющимся у автора сведениям, ныне информация удваивается каждые 5–6 лет. Если существующие тенденции сохранятся, то к середине нынешнего столетия информация будет удваиваться в пределах суток. С учетом этих реалий, приближающегося функционирования Интернет-телевидения уже сегодня совершенно по-новому встают проблемы количества и качества знания в человеческом капитале. И список подобных проблем можно продолжать.

Вместе с тем, нельзя во имя сохранения нашего «лучшего» человеческого капитала открытое общество попытаться «закрыть», выйти из усложняющегося сетевого взаимодействия. Необходимо *научиться жить с новыми реалиями*, минимизируя наиболее негативные проявления открытого социума, ненамеренные негативные последствия социальных сетей. По нашему мнению, сделать это можно лишь с помощью перехода к формированию *человеческого капитала сетевого типа* в контексте *усложняющейся социокультурной динамики*, что предполагает востребованность адекватного *социологического воображения и инновационного мышления*³⁹.

Необходимо признать, что последствия открытости и сетевых изменений в функциональном плане не являются однозначно добром или злом, «прогрессом» или «регрессом», они *амбивалентны* по характеру. Это *обнадеживает*, позволяет россиянам с *оптимизмом* смотреть в будущее, вычленив из новых общественных реалий нечто функциональное, цивилизованное,

гуманистическое и на этой основе решать актуальные проблемы человеческого капитала. Вместе с тем, как никогда в прошлом, жизнедеятельность людей неизбежно отягощается постоянным производством разного рода дисфункциональностей в виде *качественно новых, зачастую, отложенных* опасностей для человеческого капитала. Соответственно, необходимо выявлять *причинную сложность* опасностей, учитывать как нынешнее их содержание, так и прогнозировать их *усложняющуюся динамику*, включая потенциальную возможность бифуркаций и перехода в иное состояние.

С учетом фактора скорости изменения следует искать оптимальное сочетание *долгоживущих факторов* человеческого капитала с *динамическим механизмом*, адекватно *рефлексирующим* на мировые новации, включая как достижения, так и угрозы. К долгоживущим факторам сетевого человеческого капитала, прежде всего, относится воспроизводство населения, физическое и духовное здоровье нации. Ограниченные рамки статьи не позволяют детально останавливаться на данной проблематике, но в общем плане к этим факторам также следует подойти по-новому — в контексте *адаптации человеческого капитала к динамике глобального сетевого взаимодействия*. В связи с этим отметим, что *количественные* показатели человеческого капитала — численность населения, рождаемость, продолжительность жизни и т.д., — безусловно, важны.

Однако еще более значимы показатели *качественные*:

- уровень деструктивности, обычно измеряемый количеством убийств и самоубийств на 10000 человек;
- повышения среднего возраста женщин, рождающих первого ребенка, что неизбежно уменьшает вероятность рождения второго и последующих детей;
- жизненные стремления граждан и степень их реализации;
- «запас прочности» в кризисных условиях;
- «очеловечивание» скорости изменений;
- включенность в современные мобильности;
- и, конечно, *степень толерантности и гуманизма в человеческих отношениях*.

Также необходимо и гуманное отношение к природе, которая перестает противостоять социуму, вступая с ним в *сетевое взаимодействие*. Соответственно, значимость экологической и продовольственной составляющих в человеческом капитале, несомненно, будут возрастать. Лишь один пример: для 1 млрд. населения чистая питьевая вода в прямом смысле является роскошью, той субстанцией, от которой напрямую зависит физическое сохранение человеческого капитала.

Необходимо радикально переосмыслить *образовательную составляющую* в человеческом капитале, отказавшись от устаревшей догмы — чем больше образования, тем лучше. Западные социологи уже давно работают над проблемой *избыточного образования*

при *недостатке необходимого* для адекватного функционирования современного человеческого капитала. Думается, эта проблема крайне важна и для нас: образования должно быть количественно *не много*, что просто ведет к зряшной трате человеческого капитала, а *достаточно*, разумеется, по меркам требований современного общества. Но главное — его *качество и эффективность*: для общества оно должно создавать интеллектуальные условия его модернизации; для людей — делать их потенциально способными быть «виртуозами» открытости, сетевых взаимодействий и динамизма, предрасположенными к инновациям *гуманистического* толка. Из этого следует, что образовательной составляющей человеческого капитала является, прежде всего, поиск и возвращение талантов буквально с первого класса школы, обеспечение на деле единства знания, его гуманизма, требований конкурентоспособности нашего общества в сетевом взаимодействии с другими странами и народами.

Согласно предлагаемой нами методологии, исчезает «главное звено» человеческого капитала. *Любое* слабое звено в сети, его несамодостаточность, может привести к дисфункциональности всей системы человеческого капитала. В связи с этой тенденцией необходим инновационный взгляд — призму *глоболокального* сетевого взаимодействия на конкретные уровни человеческого капитала. Соответственно, мы выделяем:

1. *индивидуальный человеческий капитал*;
2. *локальный человеческий капитал*, предполагающий, что границы локала зависят от характера сети и могут простираются от семьи (семейный капитал) до организации (капитал фирмы, предприятия) и даже региона. При этом необходимо учесть фактор локально-временного взаимодействия: в обозримом будущем разные социальные слои россиян будут жить в различных темпомирах, что скажется на содержании их человеческого капитала;
3. наконец — *российский космополитический человеческий капитал*. Выделение данного уровня человеческого капитала вместо традиционно используемого понятия «национальный человеческий капитал» обусловлено методологическими новациями, о которых следует сказать особо.

У. Бек, автор известной теории «Общества риска», недавно выпустил книгу «Космополитическое видение»⁴⁰. В это же время британский социолог Г. Делантай издал труд под названием «Космополитическое воображение», снабдив его подзаголовком «Обновление критической социальной теории»⁴¹, где особо отмечается появление *незападных и антизападных проявлений космополитизма*⁴².

Космополитическая методология в самых общих чертах, по мнению этих авторов, выражается в отказе от традиционного *методологического национализма* — видения мира сквозь призму наций-государств, которое более не отвечает реалиям современного рефлексивного модерна. Человечество вступило в эру «*космополитических дуальностей*»:

глобальное — локальное, интернациональное — национальное, западное — незападное. Радикально изменилось пространство социума — его границы выходят за рамки нации-государства. В глобализирующемся мире многонациональные корпорации, негосударственные наднациональные социальные акторы играют доминирующую роль, утверждаются социальные сети — все это должно быть учтено в разработке новых подходов к анализу социума.

На XVII Всемирном социологическом конгрессе (Швеция, 2010 г.) на данную тему, *развивая ее*, было сделано более 10 докладов. Так, польские социологи К. Мёллер и А. Пикель обосновывали «*критический космополитизм*», под которым понимают, прежде всего, два положения:

- «обоснование абстрактных моральных принципов классического космополитизма сообразно современным исследованиям, посвященным скорее глобальным (чем просто интернациональным) неравенствам, глобальной бедности;
- расширение проблематики прав человека в политике»⁴³.

Японский социолог К. Кеничи в своем выступлении отмечал: «Изначально космополитизм развивается из западной традиции... Совсем недавно мы вышли на уровень «сложных космополитизмов», основанных на мультикультурализме. Ныне среди наиболее глобальных городов мы можем наблюдать несколько разновидностей космополитизма»⁴⁴.

Думается, идея методологического космополитизма является весьма плодотворной. Как нам представляется, принципиально важно то, что данный принцип отрицает евроцентризм, который, по существу, был стержнем развития социального знания, и главное — исходит из того, что при всех глобализационно-сетевых процессах *реальный социум существует в разных пространственных и темпомирах*. Отсюда неизбежна плюрализация качества человеческого капитала и его *легитимация* не зависимо от локала, в котором данный тип человеческого капитала функционирует. Далее, этот принцип позволяет *переоткрыть* значимость человеческого капитала россиян, выехавших на постоянное место жительства, учебу или работу за рубеж. Конечно, этих людей, их человеческий капитал необходимо включать в российский космополитический человеческий капитал, соответственно, продолжая с ними социальные сетевые взаимодействия. В современном динамичном мире весьма высока вероятность их возвращения в Россию.

Кроме того, данный подход предполагает возможность и необходимость задействования всего человеческого капитала, находящегося в конкретное время на территории страны. Ведь тенденция мобильности трудовых ресурсов из стран СНГ и самых разных регионов мира в условиях сетевого взаимодействия народов и культур будет только возрастать.

Наконец, с учетом усложняющейся динамики социума, мы считаем необходимым формирование *нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы* человеческого капитала всех выше названных уровней. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, *неделимости человеческого капитала народов мира*, синергично учитывает разрывы рискогенного, нелинейно развивающегося социума, его сетевые, объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности. Возрастающие требования к *качественным* характеристикам человеческого капитала побуждают к тому, чтобы при его формировании ставились и решались не только и не столько прагматические задачи (они, конечно, тоже необходимы), сколько цели наращивания *гуманистического потенциала* в человеческом капитале.

Естественно, по-новому встает проблема создания достаточно беспристрастного, тонкого, валидного инструментария для измерения гуманистической составляющей человеческого капитала в разных культурах и, конечно, с учетом методологического космополитизма. Есть, в частности, инструментарий, позволяющий измерять толерантность (шкала Богардуса), любовь (шкала Рубина), авторитарных установок (F шкала Адорно), но его, разумеется, надо совершенствовать в контексте факторов *усложняющейся* социокультурной динамики и формирования *сетевого* характера современного общества.

Summary: In the article the author, taking into consideration the methodological instruments of the modern Sociology, argues that there appear latent, unintended challenges accompanying the attempts to form the human capital. He states the necessity of the methodological integralism to form the innovative vision on the essence of the human capital and to establish the outlines of the concept of the network human capital.

Ключевые слова

человеческий капитал, методологический интегрализм, гуманизм, нормальные аварии, парадокс Гидденса, темпомир, садовника метафора, сетевое общество, космополитическая методология

Keywords

human capital, methodological integralism, humanism, normal accidents: Giddens's paradox, tempoworld, gardener metaphor, network society, cosmopolitan methodology

Примечания

1. Бурдые П. Политическое представление: Элементы теории политического поля // П. Бурдые. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 183.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб.: Питер, 2003. — С. 81.
3. См.: С.А. Кравченко. Кризис нашего времени — неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П.А. Сорокина). — Вестник МГИМО-Университета, № 3–4, 2009.
4. Сорокин П. Таинственная энергия любви.– Социс, 1991, № 8. — С. 121.
5. Сорокин П. Таинственная энергия любви.– Социс, 1991, № 8. — С. 150.
6. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
7. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: ЗХГИ, 2000.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 743.
9. Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. — М.: Анкил, 2009. — С. 131.
10. Тихонов А.В. Социология управления. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. — С. 128.
11. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — С. 197.
12. Медведев Д.А. Послание...// <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
13. См.: Merton, R. The Unanticipated Consequences of Purposive Action // American Sociological Review, vol.1, 1936.
14. См.: Boudon, R. The Unanticipated Consequences of Social Action. — London: Macmillan, 1982.
15. См.: Perrow C. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. — N.Y.: Basic Books, 1986.
16. Giddens A. The Politics of Climate Change. — Cambridge: Polity Press, 2009. — P. 2.
17. По Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмову — мир, определяющей характеристикой которого является единый темп (общая скорость) развития всех входящих в него сложных структур. — См.: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. — М.: КомКнига, 2007.
18. См.: Urry, J. Mobilities. — Cambridge: Polity Press, 2008.
19. См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М., 2009.
20. См.: Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; По ту сторону добра и зла // Соч. в 2-х томах. — М., 1990.
21. Bauman, Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. — Cambridge: Polity Press, 2009. — P. 99.
22. Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 436.
23. Манхейм К. Идеология и утопия.- В кн.: Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 41–42.
24. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования. — В кн.: Карл Манхейм. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 287.
25. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования. — С. 290.
26. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования. — С. 301.
27. См.: Reisman, D., Glazer, N., Denney, R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. — New Haven, 1961; Loneliness / Ed. by Leroy S. Rouner. — N.Y., 1998.
28. См.: Пузанова Ж.В. Проблема одиночества: социологический аспект. — М., 1998.
29. См.: Степин В.С. О философских основаниях синергетики. — Синергетика: Будущее мира и России. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — С. 20–21.
30. Пригожин И.Р. Сетевое общество. — Социс, 2008, № 1. — С. 25–26.
31. См.: Emerson, R.M., Stolte, J.F. Structural Inequality: Position and Power in Network Structures // Behavioral Theory in Sociology. New Brunswick, NJ: Transaction, 1977.
32. См.: Коулмен Дж.С. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность, 2001, № 3; Его же. Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Западная экономическая социология. Хрестоматия. — М.: РОССПЭН, 2004.
33. См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992.
34. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. — Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. — P. XX, XXX, XXVII.
35. Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. — P. XXIX.
36. См.: Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. — Cambridge: Polity Press, 2009.
37. См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М.К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007. — С. 123.
38. См.: Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». — М.: РОССПЭН, 2008.
39. См.: Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления. Монография. — М.: Анкил, 2010; Его же. Влияние «стрелы времени» на инновационность мышления // Вестник МГИМО-Университет, 2010, № 4 (13).
40. Beck, U. Cosmopolitan Version. — Cambridge: Polity Press, 2007.
41. Delanty, G. The Cosmopolitan Imagination. — Cambridge: University Press, 2009.
42. Delanty, G. The Cosmopolitan Imagination. — P. 11.
43. Mueller, K. & Pickel, A. What is Critical Cosmopolitanism? // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P.328.
44. Kenechi, K. Everyday Cosmopolitanism in Two Creative Cities: Singapore and Tokyo // Book of Abstracts. XVII ISA World Congress of Sociology.- Gotheberg, Sweden: ProQuest, 2010. — P. 235.